

Гец Виктория Александровна
Волгоградский государственный технический университет
Соболева Екатерина Дмитриевна
Волгоградский государственный технический университет
Максимчук Светлана Игоревна
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
Голиков Виктор Владимирович
Волгоградский государственный университет

Критерии правильного выбора между исками о взыскании договорных убытков и о деликатной ответственности

Аннотация. В правоприменительной деятельности существует широкий спектр возможных способов и средств защиты гражданами своих интересов, что приводит к коллизии исков. Наиболее распространенным способом защиты является обращение в судебные органы. На практике бывают ситуации, когда одно и то же деяние может быть квалифицировано и как нарушение договора, и как деликт. В таких случаях и возникают вопросы о том, на какие нормы ссылаться в обоснование своих требований, какой иск предъявлять для защиты нарушенных прав. Так стороны сталкиваются с проблемой конкуренции исков, что приводит к различным процессуальным результатам по делам о взыскании причиненных убытков. Поэтому важно внимательно анализировать обстоятельства конкретного случая и правильно выбирать вид иска, чтобы обеспечить наиболее эффективное и справедливое возмещение ущерба.

Ключевые слова: договор, убытки, вред, иск, гражданско-правовая ответственность.

Gets Victoria Aleksandrovna,
Volgograd State Technical University
Soboleva Ekaterina Dmitrievna,
Volgograd State Technical University
Maksimchuk Svetlana Igorevna,
Volgograd Institute of Management – branch of RANEPa,
Golikov Viktor Vladimirovich
Volgograd State University

Criteria for making the right choice between claims for contractual damages and claims for tort liability

Abstract. In law enforcement activities, there is a wide range of possible ways and means for citizens to protect their interests, which leads to a conflict of claims. The most common way of protection is to appeal to the judicial authorities. In practice, there are situations where the same act can be classified as both a breach of contract and a tort. In such cases, there are questions about which norms to refer to in support of one's claims, and which claim to file to protect one's violated rights. This presents a challenge for parties, as it leads to different procedural outcomes in cases involving damages. Therefore, it is crucial to carefully analyze the circumstances of each case and choose the appropriate type of claim to ensure the most effective and fair compensation for damages.

Keywords: contract, losses, harm, claim, civil liability

В судебной практике часто возникает ситуация, когда в судебном процессе соперничают два основных типа исков – иск о взыскании договорных убытков и иск о привлечении к деликтной ответственности. Оба эти вида исков связаны с возмещением убытков, но имеют различия в своей основе и применении.

Возникает вопрос о том, какую компетенцию имеет суд при рассмотрении таких исков и как определяется приоритет иска о взыскании договорных убытков перед иском о привлечении к деликтной ответственности. Суд должен изучить каждое дело внимательно и учесть все представленные факты и доводы сторон перед принятием окончательного решения.

В современной судебной практике традиционно право на выбор способа защиты нарушенного права предоставляется пострадавшему лицу. Именно по его усмотрению определяется нормативно–правовая база для квалификации требования. Но это не значит, что истец имеет право выбрать один из конкурирующих правовых исков, предназначенных для взыскания убытков.

Следовательно, российская гражданско–правовая доктрина закрепляет обязанность судов строго различать основания ответственности. Считается, что не должны существовать случаи, когда к одному лицу предъявляются различные иски, направленные на удовлетворение единого требования. Конкуренция исков возможна только в качестве исключения, если это прямо предусмотрено законодательством и предназначено для защиты особо значимых интересов¹.

В судебной практике закрепилось положение, согласно которому конкуренция исков возможна только в качестве исключения. В случае если перед правоприменителем встает выбор о том, какой иск выбрать, то приоритетное положение занимает иск о взыскании договорных убытков. Исходя из смысла п. 2 ст. 307 ГК РФ и п. 1 ст. 1064 ГК РФ следует вывод «о существенном различии правовой природы данных обязательств по основанию их возникновения: из договора и из деликта. В случае, если вред возник в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения договорного обязательства, нормы об ответственности за деликт не применяются, а вред возмещается в соответствии с правилами об ответственности за неисполнение договорного обязательства или согласно условиям договора, заключенного между сторонами»².

Договорный иск находится в более приоритетном положении по отношению к деликтному иску. Это объясняется тем, что привлечение к договорной ответственности считается специальным способом защиты гражданских прав по сравнению с общей деликтной ответственностью.

В постановлении Президиума ВАС РФ № 2410/14 по делу № А41–2321/13³ нашел свое отражение тезис о запрете выбора требования из договора и деликта по усмотрению истца и развивает его, приходя к выводу о том, что «при несохранности переданного на хранение имущества поклажедатель вправе предъявить требование об убытках хранителю на основании заключенного с ним договора, но не третьим лицам по нормам о деликтной ответственности. Лицами, обязанными перед хранителем за повреждение имущества, являются арендодатель и управляющая компания, с которыми у него заключен договор аренды, что исключает рассмотрение между названными субъектами споров с применением норм о деликтной ответственности. В то же время выгодоприобретатель, имея к хранителю требование из договора хранения, не может возместить те же убытки за счет арендодателя и управляющей компании из деликтных отношений». Следовательно, закреплена

¹ Основные положения гражданского права : Постатейный комментарий к статьям 1–16.1 ГК РФ / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.]. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «М–ЛОГОС». 2020. С. 312.

² Договорное и обязательственное право (общая часть) : Постатейный комментарий к статьям 307–453 ГК РФ / В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко, О. А. Беляева [и др.]. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «М–ЛОГОС». 2017. С. 174.

³ Постановление Президиума ВАС РФ от 03.06.2014 № 2410/14 по делу № А41–2321/13 // СПС «КонсультантПлюс».

невозможность привлечения причинителя вреда к деликтной ответственности при одновременной возможности привлечения к ответственности на основании договорных обязательств.

По мнению ученых, такой запрет является несправедливым и излишним ограничением прав лица на защиту нарушенных прав и законных интересов.

В своей позиции суды указывают на недопустимость возмещения причиненного вреда по правилам деликтной ответственности арендодателю третьим лицом, имеющим договор с арендатором. Это вызвано тем, что возмещение происходит в обход заключенного договора аренды и не прекращает обязанность возмещения убытков третьим лицом арендатору, а арендатором – арендодателю⁴.

Несмотря на рассмотренную выше позицию, в российском праве долгое время существует правило, согласно которому лицо, получившее возмещение от одного из ответчиков, не может требовать повторного возмещения от иных лиц по одному и тому же обязательству.

Помимо этого, в судебной практике сложился работающий механизм, не позволяющий одному истцу взыскать с нескольких ответчиков один и тот же убыток, вытекающих из одного основания. Например, это касается судебных решений, связанных с требованием к директору о возмещении имущественных потерь юридического лица. Имущественное возмещение не предоставляется организации в двойном размере. Так, отказывают в удовлетворении требований к директору, если юридическое лицо по факту получило возмещение причиненного имущественного вреда, используя иные меры защиты гражданских прав⁵.

Институт солидаритета обязательств способен разрешить существующую проблему конкуренции лиц. Его суть заключается в том, что пассивные солидарные обязательства отождествляются с обязательствами, которые обладают эффектом общего исполнения. Вышеназванный институт направлен на преодоление конкуренции исковых требований. Особенно важное значение он имеет в ситуации, когда кредитор предъявляет множество требований к разным должникам, каждое из которых направлено на удовлетворение в полном объеме одного экономического интереса⁶.

Возникающие гражданские правоотношения и споры по ним многогранны. По этой причине, в некоторых случаях запрет выбора основания требования по усмотрению истца действительно благоприятно сказывается на порядке рассмотрения дела и вполне оправдан.

Например, исходя из фактических обстоятельств дела № А40–242439/2017⁷, между ОАО «Компания «Главмосстрой», казенным предприятием «Московская энергетическая дирекция» и Департаментом строительства г. Москвы был заключен государственный контракт на выполнение подрядных работ по реконструкции РТС «Строгино». В целях исполнения этого контракта Главмосстрой заключил договор с субподрядчиком.

Главмосстрой указал в направленном исковом заявлении, что с него как с генерального подрядчика в пользу субподрядчика были взысканы денежные средства по причине отказа в приемке спорных работ по 4–му и 6–му пусковым комплексам объекта, т.е. по вине ответчика. В связи с этим Главмосстрой просил взыскать с ответчика понесенные им убытки.

Удовлетворяя исковое заявление, суд первой инстанции указал, что ответчик представленные ему акты о выполнении работ на 4–м и 6–м пусковых объектах реконструкции РТС «Строгино» не подписал и направил истцу письмо с отказом в приемке

⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 02.09.2016 № 305–ЭС16–10782 по делу № А40–60569/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Крюкова М. А. Угроза неосновательного обогащения истца как основание отказа в иске // Журнал «Закон». 2018. № 4. С. 179.

⁶ Тололаева Н. В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально–европейская традиция: монография. Москва: Статут. 2020. С. 63.

⁷ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.12.2018 № Ф05–21470/2018 по делу № А40–242439/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

работ, после чего аналогичный отказ был направлен истцом в адрес субподрядчика. Несмотря на отказ в принятии и оплате работ, в 2011 г. ответчик ввел в эксплуатацию 4-й и 6-й пусковые комплексы объекта.

Суд первой инстанции отметил, что результат спорных работ имеет потребительскую ценность для ответчика, в связи с чем именно он является лицом, получившим материальную выгоду в виде улучшения потребительских свойств объекта в целом, в том числе в виде выполненных работ на 4-м и 6-м пусковых комплексах объекта. Соответственно, отказ ответчика, а затем истца в приемке и оплате указанных работ явился основанием для субподрядчика для обращения к последнему с иском о взыскании задолженности и неустойки, который был удовлетворен в 2015 году. Суд первой инстанции пришел к выводу, что взысканная с истца в пользу субподрядчика денежная сумма является убытками истца, понесенными им в связи с противоправными действиями ответчика.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции. Арбитражный суд Московского округа отказ в удовлетворении иска поддержал, мотивируя свое решение следующим образом. Из искового заявления вытекает, что требования основаны не на договоре, а на деликте. Однако фактически истец под видом убытков предъявляет требование о взыскании неоплаченной задолженности по контракту. При этом свои требования истец основывает на положениях контракта о порядке приемки выполненных работ, а в качестве доказательств по заявленным требованиям представляет документы, являющиеся документами договорных отношений, но никак не подтверждением возникновения деликтных правоотношений. Сам по себе отказ заказчика от приемки работ от генерального подрядчика и последующее взыскание с последнего субподрядчиком стоимости работ не образует для генерального подрядчика убытков либо вреда.

Истец имел правовую возможность предъявить свои требования о взыскании задолженности к заказчику независимо от того, заявлено ли к нему требование со стороны каких-либо субподрядчиков, т.е. права требования сторон контракта и сторон договора не взаимозависимы и не вытекают друг из друга. Срок исковой давности по требованию генерального подрядчика к заказчику пропущен истцом.

Квалифицируя свои требования как убытки (вред, возникший из деликта), а не как взыскание задолженности по договору, истец фактически пытается преодолеть факт пропуска срока исковой давности, заявляя, что срок по деликту начал исчисляться с момента вступления в силу решения суда первой инстанции по делу о взыскании с истца денежных средств в пользу субподрядчика.

В данном случае недопущение конкуренции исковых требований, вытекающих из разных оснований, не позволило истцу злоупотребить своим правом на выбор средств и способов защиты.

В некоторых случаях запрет ссылаться на нормы, посвященные деликту при наличии заключенного договора, необоснованно ограничивает возможности лица по защите нарушенных прав и интересов.

Например, в деле № А66–19843/2017⁸ было повреждено имущество из-за разрыва трубопровода стояка отопления, содержащегося в ненадлежащем состоянии. Вследствие этого произошло затопление подвальных помещений, причинен ущерб собственнику. Страховщиком было выплачено страховое возмещение в связи с наступлением страхового случая. Позже страховщик направил требование управляющей компании (ответчику) о возмещении ущерба, ссылаясь на то, что она должна нести ответственность за произошедшую аварию. Обосновывая требования к ответчику, истец представил договор о предоставлении коммунальных услуг, заключенный банком (заказчиком) и ответчиком (управляющим) в соответствии с которым управляющий является организацией, выполняющей функции по управлению зданием, в том числе работы по обслуживанию

⁸ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.09.2018 № Ф07–10530/2018 по делу № А66–19843/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

всего оборудования, систем и коммуникаций, находящихся в здании, а также обязуется организовать заключение договоров о поставке коммунальных услуг, сообщать об изменении тарифов, контролировать и вести учет расходов по использованию ресурсов.

Суд первой инстанции, с которым согласился апелляционный суд, руководствуясь ст.ст. 15, 1064 ГК РФ и исходя из того, что ответственность по настоящему делу имеет деликтную природу, удовлетворил искивые требования, признав их обоснованными.

Арбитражный суд Северо–Западного округа, проверив материалы, установил, что в рамках этого дела рассматривается исполнение ответчиком обязательств, возникших из договора оказания услуг, к которому подлежат применению нормы, регулирующие договорную ответственность, и, руководствуясь тезисом о существенном различии правовой природы обязательств по основанию их возникновения (из договора и из деликта) пришел к выводу, что в рассматриваемом случае необходимо было исследовать вопрос о наличии оснований договорной, а не деликтной ответственности, что существенно влияет на предмет и объем доказывания.

Дело было направлено в суд первой инстанции на повторное рассмотрение. В итоге суд пришел к решению о взыскании убытков с ответчика в том же размере, как и после первоначального рассмотрения обстоятельств дела.

Следовательно, ссылка суда конституционной инстанции о природе возникновения обязательств является не более чем формальным цитированием позиции Верховного Суда. Ответчик в своей жалобе не указывал на изменение основания ответственности перед истцом. Исходя из вышесказанного, отмена решений нижестоящих судов кассацией не привела к более правильному и справедливому разрешению спора. В данной ситуации, решение кассационной инстанции не было направлено на рациональное и максимально эффективное обеспечение защиты прав и законных интересов обратившихся лиц.

Положение о невозможности одновременного существования нескольких требований с деликтной и договорной природой возникновения не носит абсолютного характера. В случае их направленности на удовлетворение единого интереса между одними и теми же субъектами правоотношений, на практике возможно наличие исключений. Так, судом рассматривалось дело № А82–7538/2012⁹ по вопросу крушения самолета вследствие разрушения детали двигателя в связи с наличием конструктивного дефекта, возникшего в процессе производства. Собственник транспортного средства принял решение о взыскании ущерба с производителя двигателя. При обосновании своих требований истец ссылался в основном на нормы о деликтных правоотношениях.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска, придя к выводу, что истец не доказал факт причинения ущерба истцу именно по вине ответчика и причинно–следственную связь между действием (бездействием) ответчика и наступлением ущерба, а также размер причиненного ущерба. Суд апелляционной инстанции решение нижестоящего суда отменил и удовлетворил искивые требования. Суд установил следующее: «...НПО «Сатурн» несет деликтную ответственность, так как, являясь производителем, установившим срок службы двигателя, он не обеспечил возможность его эксплуатации в течение данного срока и в то же время договорную ответственность, поскольку он проводил капитальный ремонт, послуживший основанием для продления срока службы двигателя до максимального, и на момент аварии межремонтный интервал не истек...». Указанные два вида ответственности обусловлены установлением двух видов сроков – срока службы и межремонтного срока, что в указанном случае не порождает конкуренцию деликтной и договорной ответственности по причине единства субъекта, установившего названные сроки.

Ответчика не устроило существующее положение дел, и он решил обжаловать решение в Федеральном арбитражном суде Волго–Вятского округа. В качестве одного из

⁹ Постановление Федерального арбитражного суда Волго–Вятского округа от 05.08.2014 по делу № А82–7538/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

допущенных нарушений ответчик указал на смешение судом оснований ответственности, вытекающих из договорных и внедоговорных правоотношений.

Арбитражный суд Волго–Вятского округа установил, что авиационный двигатель и диск были выпущены и обслуживались ответчиком посредством осуществления локального и капитального ремонта на основании заключенных между ним и авиакомпанией контрактов. На момент крушения воздушного судна летный ресурс, назначенный ответчиком, не был выработан до конца, не был выработан и межремонтный ресурс.

Суд кассационной инстанции подтвердил, что ответчик, с одной стороны, являясь производителем, установившим срок службы двигателя и не обеспечившим возможность его эксплуатации в течение данного срока, в силу ст. 37 Воздушного кодекса РФ несет деликтную ответственность. С другой стороны, он несет обязанность по возмещению убытков, вытекающую из договорных правоотношений, так как не истек межремонтный интервал, назначенный в связи с проведением последнего капитального ремонта двигателя, и проведение капитального ремонта послужило основанием для продления срока службы двигателя до максимального. Таким образом, ответчик является лицом, ответственным за наличие конструктивно–производственного дефекта, приведшего к возникновению убытков, компенсированных посредством страхования, и должен возместить расходы страховщика в силу ст.ст. 15, 397 и 965 ГК РФ.

Суд Волго–Вятского округа также отметил, что арбитражный суд апелляционной инстанции, выяснив, что правоотношения сторон урегулированы контрактами, при рассмотрении иска верно руководствовался положениями главы 25 ГК РФ. Несмотря на то, что истец обратился с иском о взыскании ущерба на основании ст. ст. 15 и 1064 ГК РФ, суд в соответствии с АПК РФ с учетом обстоятельств, приведенных в обоснование иска и установленных в процессе рассмотрения спора, должен был самостоятельно определить характер спорного правоотношения, возникшего между сторонами по делу, а также нормы законодательства, подлежащие применению. Правильная квалификация судом правоотношений сторон не является изменением предмета и основания иска. Решение кассационной инстанции было в полном объеме подтверждено определением Верховного Суда.

В деле НПО «Сатурн» суд воспользовался своим правом на самостоятельную квалификацию заявленных истцом требований. В указанном деле суды впервые отступили от общепризнанного принципа, по которому признается невозможность одновременного существования требований договорного и деликтного характера. Кроме этого, суды подтвердили право истца обосновывать предъявленные требования к контрагенту по договору как на договорных нормах, так и на внедоговорных. Вышеназванная позиция также нашла свое отражение в Постановлении ВС РФ № 25, согласно которому суд при вынесении решения может опираться на нормы о нарушении договорных обязательств и на нормы о причинении вреда.

Применение совершенно нового подхода при разрешении дела повлекло за собой необратимые изменения для российских правоприменителей. Современные правоведы и исследователи выразили следующее мнение: «...такой подход позволяет быстро и эффективно разрешить исковой спор и обеспечить удовлетворение только справедливых требований истца...»¹⁰.

В некоторых случаях определение основания возникновения ответственности не является существенным условием для разрешения некоторых вопросов дела. Например, из–за падения камня с крыши многоквартирного дома транспортному средству был причинен ущерб. Виновной была признана управляющая компания, которая несла обязанность по обслуживанию дома. Поскольку потерпевшее лицо не состояло в договорных отношениях с управляющей компанией, суд привлек ее к ответственности по правилам о деликте.

¹⁰ Чайкина А. В. Изменение порядка и способа исполнения судебного решения в контексте конкуренции исков // Вестник гражданского процесса. 2022. № 5. С. 197.

Суды первой и апелляционной инстанций уменьшили размер возмещения вреда, так как потерпевший проезжал на автомобиле слишком близко к многоквартирному дому. Кроме этого, они отказали во взыскании штрафа и компенсации морального вреда по Закону РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей»¹¹ (далее Закон о защите прав потребителей) поскольку истец не являлся собственником или иным владельцем жилого помещения в доме и не являлся потребителем услуг, предоставляемых управляющей компанией.

Верховный Суд РФ не согласился с решениями нижестоящих судов. Суд указал на отсутствие в действиях водителя грубой неосторожности. Указанный вывод основывался на том факте, что истец не мог и не должен был предвидеть возникновение опасности при движении по проезжей части в силу объективно существующих причин. Также он сослался на ст. 14 Закона о защите прав потребителей, где говорится: «...право требовать возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков предоставляемых услуг, признается за любым потерпевшим независимо от того, состоял он в договорных отношениях с исполнителем или нет...». В своем определении ВС РФ № 16–КГ22–27–К4¹² закрепил, что наличие договорных отношений между потерпевшим и управляющей компанией не является основанием для неприменения Закона о защите прав потребителей. Следовательно, на указанные правоотношения распространяются нормы нормативно–правового акта, предусматривающие взыскание штрафа и компенсацию морального вреда.

На основе всего вышесказанного можно выявить следующие критерии, которые следует учитывать при выборе между иском о взыскании договорных убытков и иском о привлечении к деликтной ответственности на практике:

1. Определение источника обязательства: если обязательство возникло на основании договора, то иск о взыскании договорных убытков будет более эффективным способом защиты прав.

2. Совместное причинение вреда: при причинении вреда несколькими лицами неправомерными действиями наступает солидарная ответственность, а при причинении вреда вследствие нарушения несколькими лицами условий договора законодательством предусмотрено наступление долевой ответственности.

3. Основания освобождения от ответственности: основанием освобождения от деликтной ответственности является умысел потерпевшего лица, в случае договорной ответственности нет такого условия освобождения от ответственности.

4. Уменьшение размера возмещения: при деликтной ответственности грубая неосторожность потерпевшего, способствующая возникновению или увеличению вреда, может служить основанием для уменьшения размера подлежащей возмещению компенсации, размер убытков, причиненных неисполнением договора, также может быть уменьшен судом при наличии вины кредитора, способствующей увеличению причиненных убытков.

5. Сроки исковой давности: необходимо учитывать, что общий срок для обращения с иском о привлечении к деликтной ответственности составляет три года, а для иска о взыскании договорных убытков может быть предусмотрен сокращенный срок предъявления.

Решение между выбором иска о взыскании договорных убытков и иска о привлечении к деликтной ответственности должно основываться на конкретных обстоятельствах дела и учитывать цель, которую сторона стремится достичь.

Таким образом, тенденции современной судебной практики в вопросе конкуренции исков складываются следующим образом. По общему правилу действует принцип недопустимости конкуренции исков на практике. Договорный иск имеет преимущественное

¹¹ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

¹² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 16–КГ22–27–К4 // СПС «КонсультантПлюс».

значение перед деликтным и в большинстве дел суд привлекает именно к договорной ответственности. Несмотря на запрет конкуренции исков, суды предоставляют истцу право ссылаться как на нормы о деликте, так и на нормы о договорной ответственности при обосновании исковых требований. Суд не связан квалификацией истца и имеет право самостоятельно изменить основание ответственности. В некоторых случаях суд не разрешает возникшую конкуренцию исков и выносит решение, не уделяя этому вопросу внимания.

Список источников

1. Основные положения гражданского права : Постатейный комментарий к статьям 1–16.1 ГК РФ / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.]. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «М–ЛОГОС». 2020. С. 312.
2. Договорное и обязательственное право (общая часть) : Постатейный комментарий к статьям 307–453 ГК РФ / В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко, О. А. Беляева [и др.]. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «М–ЛОГОС». 2017. С. 174.
3. Постановление Президиума ВАС РФ от 03.06.2014 № 2410/14 по делу № А41–2321/13 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 02.09.2016 № 305–ЭС16–10782 по делу № А40–60569/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Крюкова М. А. Угроза неосновательного обогащения истца как основание отказа в иске // Журнал «Закон». 2018. № 4. С. 179.
6. Тололаева Н. В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально–европейская традиция: монография. Москва: Статут. 2020. С. 63.
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.12.2018 № Ф05–21470/2018 по делу № А40–242439/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Арбитражного суда Северо–Западного округа от 26.09.2018 № Ф07–10530/2018 по делу № А66–19843/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Федерального арбитражного суда Волго–Вятского округа от 05.08.2014 по делу № А82–7538/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Чайкина А. В. Изменение порядка и способа исполнения судебного решения в контексте конкуренции исков // Вестник гражданского процесса. 2022. № 5. С. 197.
11. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 16–КГ22–27–К4 // СПС «КонсультантПлюс».

Сведения об авторах

Гец Виктория Александровна, кандидат экономических наук, доцент, Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия.

Соболева Екатерина Дмитриевна, старший преподаватель, Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия.

Максимчук Светлана Игоревна, магистрант, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия.

Голиков Виктор Владимирович, студент, институт права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», Волгоград, Россия.

Information about the author

Gets Victoria Aleksandrovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia.

Soboleva Ekaterina Dmitrievna, Senior Lecturer, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia.

Maksimchuk Svetlana Igorevna, Master's Student, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA, Volgograd, Russia.

Golikov Viktor Vladimirovich Student, Institute of Law, Volgograd State University, Volgograd, Russia.